Жалоба Сергея.

В тесной комнатушке, низко склонившись перед письменным столом, сидел Сергей. Он усердно что-то писал, по его щекам текли слезы. Солнце старательно влезло сквозь большое окно в комнату, как будто хотело обнять и приласкать одиннадцатилетнего мальчика. Но Сергей ничего не замечал и писал, писал…

«Дорогой Господь!
Я решил написать тебе это письмо. Ты, наверное, понимаешь, что это совсем на меня не похоже - сидеть, тем более прилежно писать. А все потому, что сегодня мне особенно грустно. Меня выпороли. Я уже наревелся, теперь мне никого не хочется видеть, не хочется выходить из комнаты, не хочется есть. Одним словом, грустно. Вот я и пишу Тебе. Папа говорит, что Ты все слышишь, и видишь, и можешь давать ответы на вопросы. У меня к Тебе, Боже, тоже есть вопросы. Я просто даже не знаю, у кого можно спросить: «Почему взрослые не понимают детей?»

Сергей оторвался от письма и вытер слезу, скатившуюся уже аж до шеи. Он вспоминал все подробности сегодняшнего школьного дня, начинающегося со слов мамы у порога: «Серёжа, смотри мне, веди себя хорошо». Вспоминал, как обещал ей, что будет сидеть, как мыша.

Но, придя в школу и увидев своих товарищей, Сергей забыл обо всех обещаниях и схватил мяч. Локтями прочистив дорогу от учителей и учеников, он понёсся на улицу играть в футбол. После этого сил остановиться уже не было. На следующей перемене из окна класса полетел портфель соседа по парте, а на втором уроке рука Сергея уже была разрисована эмблемой знаменитой фирмы "Найк". И на том же самом уроке эта разрисованная рука дёргала и щекотала всех, кого можно достать, не высовываясь далеко из-за парты.

«Господи, ну что я могу поделать? – Сергей вновь взялся за ручку. – У меня большая проблема – на уроках мне становится очень скучно. И тогда приходится себя развлекать. Вот я сижу на уроке, стараюсь себя заставить писать, но не могу. Понять не могу, зачем эти тетради… Я и без записей отлично всё запоминаю. Зачем пачкать чернилами чистые листы и переводить их на ненужные каракули. Не лучше ли разрисовать моделями машин и самолётов. Это же интереснее!?»

Сергей вспомнил, как на третьем уроке он заглянул в парту, а там кто-то оставил скотч. Сразу пришёл на память совет старшей сестры, которая говорила, что если руки заняты, то голова лучше запоминает информацию на слух. Вот он и

принялся проводить эксперимент. Потихоньку отклеил кусочек скотча и прилепил на каждый палец. Потом у Фиксика (так Сергей называет Димку, потому что тот слишком низенький и маленький) попросил ножницы. Аккуратненько обрезал скотч по форме ногтей. Получились неплохо! Блестящие красивые ногти! Вот так под наставления учителя истории, который рассказывал что-то о гильдиях и торговцах, Сергей решал сложную загадку: зачем женщины тратят деньги на лак для ногтей, если можно вполне обойтись скотчем.

«Я все равно отлично усвоил тему о гильдиях, то есть о купцах, которые объединялись и вывозили за границу товары. Хотя это совсем бесполезная информация. А учитель красными чернилами испортил мне дневник, – с новой волной грусти выводил горе-ученик. – Господи, ну неужели у них не было детства? Почему учителя такие злые и не хотят снисходить ко мне? Мне же влетит дома за замечание в дневнике? Взрослые сильно усложняют жизнь, я это уже давно заметил».

Сергей хотел рассказать Богу все, что накипело. Ему казалось, что только Добрый Пастырь может понять его и не осудить. Слезы стекали по непросыхающей дорожке на щеках. А мальчик продолжал:

«У меня, например, все просто.
Я, кстати, просто сидел и глядел по сторонам. У Фиксика, моего лучшего друга, был лизун. Вчера он его купил. Я перемигнулся с ним, тот сразу понял и кинул мне лизун. Я ПРОСТО сидел и держал его в руках, а потом неизвестно как он очутился на потолке. Синий лизун висел пятном на белом потолке посередине кабинета. Весь класс засмеялся, а меня опять обругали, и... запись в дневник. Эта ненавистная запись».

А потом была святая вода. На столе у одноклассницы стояла бутылка «Святой источник». Святая же, вот Сергей и решил окропить всех, все равно было жарко! Да и Женька с задней парты разошёлся не на шутку, начал ногами под столом пинаться! Надо было его охладить. Вот с него и началось, а потом другие выпросили. Жаль, что вода закончилась быстро. Надо на завтра свой запас иметь. А учителя ничего не поняли. И снова запись в дневнике к четвёртому уроку.

«Я, вроде, стараюсь вести себя спокойно. Изо всех сил ровно сижу и слушаю, но почему-то начинаю засыпать, и приходится себя будить разными способами. Но эти странные взрослые! Они ничего не понимают! Считают себя сильно важными. А кто знает, вот она, учительница эта, на меня сегодня ругается, а потом через

несколько лет, когда я буду служителем, может, придет ко мне исповедоваться. Придется припомнить ей грехи школьной давности».

К шестому уроку Сергей устал совсем, глаза слипались, вода закончилась, скотч забрали, лизун так и висел на потолке… Учительница изодеятельности показала пример рисунка, но сил что-либо делать уже не было. Рисовать рисунок на осеннюю тематику не хотелось, все равно за окном листья ещё не пожелтели. Поэтому старательно на альбомном листе он написал: «Не будить". Поставил восклицательный знак и лег спать на парту.

Звонок потревожил мирный сон. С тяжелым сердцем Сергей поднялся и стал собираться домой. Дома, конечно, уже всё известно – доложили по телефону. Кто придумал эти телефоны! Но не теряя надежды, медленно плетясь по дороге, Сергей загадывал –повезёт или не повезёт. Не повезло; порка была капитальная. Ещё и выговоры вдобавок.

«Господи, ну почему эти взрослые не понимают, что у меня детство - то уходит! Пропадает за этими партами да тетрадями!» – старательно записывал Сергей свои жалобы. Он повторял и повторял их себе после каждой очередной школьной истории, а сегодня они ложились неровным почерком на промокший от слез тетрадный листочек. Ему больше всего хотелось наконец выплакать свое горе.

«Боже, вот я рассказал Тебе, почему мне сегодня грустно. Я надеюсь, что Ты услышишь меня. Помоги мне, пожалуйста, понимать взрослых, снисходить к их строгости, может, им правда трудно живётся взрослой жизнью. Я постараюсь их любить, Ты же любишь меня и сейчас читаешь это письмо.
До свидания, Добрый Господь, я обещаю тебе, что буду стараться ради Тебя вести себя хорошо в школе!»

Сергей аккуратно сложил лист бумаги и засунул его в щель между шкафом и потолком, чтоб повыше к Богу и чтоб никто не достал. Затем вытер слезы, усердно поморгал глазами, чтоб прошли следы расстройства. Твёрдо решил завтра попросить прощения у учителей и спустился со второго этажа в кухню. Уж очень приятно оттуда пахло пиццей.

Антонюк Анастасия.